

# ВОЛЬНОЕ СЛОВО

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:  
на годъ (50 №№) . . 20 франковъ  
» 3 мѣсяца . . . . 6 »  
» 1 мѣсяцъ (4 №№) 2 »

ЕЖЕНЕДЕЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ

Отдѣльные нумера продаются  
по 50 сант. въ книжномъ магазинѣ  
H. GEORG, Genève, rue de la  
Corraterie, 10.

Телеграммы, письма и корреспонденціи въ редакцію адресуются: rédaction du journal «LA PAROLE LIBRE», Chemin Dancet, 15, Genève.  
Желающихъ имѣть лично объясненія съ редакціей просить обращаться по тому же адресу.

ГОДЪ ВТОРОЙ.

Prix du numéro: 50 centimes.

СУББОТА 1 апрѣля 1882  
20 марта

## СОДЕРЖАНІЕ.

- 1) Гонимъ природу въ дверь, она влетитъ въ окно.
- 2) Казнь Суханова. — 3) Убіеніе Стрѣльникова.
- 4) Отчаянный поступокъ Щедрина. — 5) Побѣда Цвѣткова. — 6) Новое преслѣдованіе свободы.
- 7) Возбужденіе дѣла противъ бывшаго министра Макова. — 8) Новый министръ Деляновъ и т. сов. Катковъ.
- 9) Закрытіе читальни въ с. Подбережаныхъ. — 10) Сотрудничество въ газетахъ полиціи. — 11) Пьянство, искусство и свобода, М. Драгоманова.
- 12) Проектъ солидарной демонстраціи русиновъ и поляковъ въ Галиціи, М. Д. — 13) «Настоящее положеніе Россіи» (Д. Г. Щербачева, Berl. 1882), П. С.
- 14) Студенческій манифестъ и замѣтка Редакціи.

ЖЕНЕВА, 1 апрѣля 1882 г.

Разводить чадъ для отуманенія общественной мысли стало какъ бы главною заботою нашихъ нынѣшнихъ правителей. Имъ мало административныхъ придиорокъ и взысканій, опутывающихъ по всей странѣ движеніе свободомыслія, мало казенныхъ и казною (изъ народныхъ денегъ, разумѣется,) оплачиваемыхъ изданій, мало добровольнаго прислужничества людей пера, тинущихся въ общественные дѣятели, держась за флады чиновничьихъ вицмундировъ и тѣмъ же путемъ взбирающихся на административныя вершины. Имъ мало закона, мало недомыслія или подлости писакъ по ремеслу. Передъ нами лежатъ помѣщаемыя ниже два письма, вышедшія изъ канцеляріи казанскаго губернатора Гейнса, того самого Гейнса, который, будучи Одесскимъ градоначальникомъ, торговалъ полицейскими мѣстами въ лавочкѣ на Морской одного петербургскаго нотаріуса, а въ антрактѣ своего полицейскаго служенія родинѣ подавалъ записки на слѣднику престола, нынѣшнему Государю, прикидываясь «самобытникомъ», на манеръ московскихъ славянофиловъ, и потомъ, подъ фирмою «опытнаго администратора», печаталъ въ Чернилевскомъ штабѣ, т. е. въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» Комарова, рядъ статей, изыскивавшихъ мѣры къ оживленію и поднятію духа губернскихъ правленій повсемѣстно въ Имперіи. Удостоенный за борзость пера милостиваго пріема въ передней тогдашняго вице-императора Лорисъ-Меликова, генералъ Гейнсъ, напутствуемый и наускиваемый на столичный либерализмъ славяно-

фильскимъ кружкомъ, получилъ мѣсто губернатора въ Казани, гдѣ не замедлилъ проявить, во первыхъ, свою преданность бюрократическому порядку, во вторыхъ, еще большую преданность излюбленнымъ идеямъ стоящаго теперь у власти (что не мѣшаетъ, однако, московскимъ пророкамъ выкрикивать независимость самодержавія «отъ духа партій») кружка своихъ благодѣтелей.

Въ упомянутыхъ письмахъ читатели прочтутъ, съ какимъ стараніемъ генералъ Гейнсъ заботился о томъ, чтобы столичные газеты, «занятые обсужденіемъ высшихъ политическихъ вопросовъ, скорѣе возбуждающихъ, чѣмъ удовлетворяющихъ умъ», не проникали въ предѣлы его губерніи. И чего только не пускается въ ходъ для достиженія этой цѣли! Перво на перво измышляется мѣстный органъ «Волжско-Камское Слово» подъ редакціей благонамѣреннаго профессора, за тѣмъ указывается исправникамъ «настоящій путь по вопросу (?) объ открывающей подпискѣ» на газету. Этотъ «настоящій путь» состоитъ въ слѣдующемъ: 1) предложить (мягко стелется, да жестко спятъ) волостнымъ правленіемъ, выписывающимъ теперь большія столичныя газеты, особенно въ родѣ «Порядка», замѣнять ихъ «В.—К. С-мъ» и 2) содѣйствовать всѣми зависящими способами къ распространенію «В.—К. О.» среди населенія города, землевладѣльческаго и духовенства». Вслѣдъ за этимъ письмомъ идетъ изъ губернаторской канцеляріи другое, не то — предписаніе, не то — совѣтъ, такъ какъ оно пишется «частію по порученію Его п—ва, а частію по собственнй инициативѣ» пишущаго. Его Пр-ство, желая играть въ руку своимъ благодѣтелямъ и отводить умы «вѣренной ему губерніи» отъ «обсужденія высшихъ политическихъ вопросовъ», въ то же время самъ краснѣетъ за свой поступокъ, пуще же всего боится скадала. И вотъ, его старшій подчиненный спѣшитъ предупредить младшаго, что письмо Его П-ства «отнюдь не должно никому показываться», что «усердіе нужно и въ настоящемъ дѣлѣ, но такъ, чтобы не вовлечь себя въ смѣшное или непріятное положеніе», «а то — прибавляется въ письмѣ — пожалуй, легко уго-

дите сами въ какую нибудь газету». Характерна эта боязнь чиновника имѣть же гонимаго общественнаго мнѣнія. Но что всего любопытнѣе, такъ это извиненіе старшаго подчиненнаго передъ младшимъ и его невольное насмѣшливое отношеніе къ начальству. Канцелярское письмо г-на П. Кошкина заканчивается такою, его собственноручною припискою: «знаю, что Вы, многоуважаемый N. N., надѣ многимъ улыбаетесь въ этомъ письмѣ; но вѣдь это нѣчто въ родѣ циркуляра; этимъ я извиняюсь передъ вами». Старшій чиновникъ смѣется надъ распоряженіемъ своего начальника и боится насмѣшки надъ собою со стороны младшаго; всѣ, и начальникъ и подчиненные всѣхъ ранговъ, смущаются при мысли, что ихъ продѣлки выйдутъ на чистую воду, предстанутъ на судъ общественнаго мнѣнія, какъ римскіе авгуры, смѣются надъ своею канцелярскою кабалистикою — и все таки мошенничаютъ, все таки гонятъ свѣтъ мысли и свободу слова, гонятъ изъ боязни, страшась гонимаго ими, гонятъ въ угоду призрачнаго спокойствія, призрачной тишины невѣжества и всѣми силами стараются напускать туманъ на страну не только изъ своихъ кабинетовъ, но и изъ щелей и дверей найгрязнѣйшей административной кануры.

Но народная мысль подъ вѣншимъ давленіемъ только сильнѣе пробуждается и въ своемъ неудержимомъ стремленіи къ жизни пробивается наружу то въ формѣ конфиденціально подаваемыхъ записокъ, о чемъ свидѣлствуетъ «Голосъ», то въ формѣ брошюръ и газетъ издаваемыхъ за границей, къ числу которыхъ принадлежитъ и помѣщаемая въ настоящемъ №-ѣ, въ критическомъ разборѣ, брошюра Щербачева «Настоящее Положеніе Россіи», то въ формѣ прокламацій, одинъ изъ образчиковъ которыхъ читатель найдетъ также въ настоящемъ №-ѣ, то въ формѣ революціонныхъ листовъ, продолжающихъ своимъ появленіемъ смущать нашихъ бдительныхъ удушителей истиннаго народнаго самосознанія, то, оставивъ, наконецъ, форму печатнаго слова, она перешла въ слово живое, въ пропаганду, въ революціонную агитацію, тѣмъ болѣе дѣятельную, чѣмъ больше стѣсненій создается для нея, въ доступныхъ закону сферахъ

ея выражения и распространения, правительственной опекою и усердием добродетельных прислужников нынешней власти, набираемых и вытѣзающих на зовъ и безъ зова изъ трясины государственнаго, социальнаго, нравственнаго и умственнаго застоя.

Благодарность русскому царю, съ пролиетіемъ слезъ вознесенная Викторомъ Гюго на одномъ изъ его домашнихъ пиршествъ, была преждевременна. Сухановъ палъ жертвою искипленія, разстрѣланный въ Кронштадтѣ; остальнымъ 9-ти, приговореннымъ къ смерти, наказаніе замѣнено ссылкой въ каторжные работы безъ срока. Наши читатели знаютъ, что покойный просилъ на судѣ о единственномъ для себя снисхожденіи: замѣнить веревку пулею; но мы не ожидали, что гордая воля осужденнаго будетъ безпощадно приведена въ исполненіе.

Въ 5 1/2 часовъ вечера 30 марта н. ст., какъ сообщаетъ телеграмма изъ Одессы, прокуроръ кievскаго военнаго окружнаго суда, генералъ Стрѣльниковъ, убитъ на-повалъ выстрѣломъ изъ револьвера въ затылокъ. Обвиняются двое молодыхъ людей, которые покушались уйти на извозчикѣ, но были задержаны, при чемъ въ схваткѣ съ своими преслѣдователями нанесли тремъ лицамъ раны револьверомъ и кинжаломъ. Г. Стрѣльниковъ приобрѣлъ большую извѣстность, какъ обвинитель въ кievскихъ политическихъ процессахъ, которыми онъ сдѣлалъ себѣ довольно быструю карьеру. Въ свои рѣчи онъ вносилъ, — кромѣ претензій на ученость, — еще элементъ личной злобы, при чемъ позволялъ себѣ пускаться и въ клеветы, даже на отсутствующихъ.

Телеграмма «Международнаго Телеграфнаго Агентства», отъ 14 марта, сообщаетъ изъ Иркутска: «Государственный преступникъ Щедринъ въ острогѣ нанесъ оскорбленіе дѣйствіемъ полковнику Соловьеву. Вчера Щедринъ приговоренъ къ смертной казни. Испрашивается конфирмація генерала-губернатора Алучина». — А слѣдствіе надъ дѣйствіями полковника Соловьева, вызвавшими упомянутое оскорбленіе, назначено??

«Новое Время» сообщаетъ, что бывшій секретарь покойнаго Лизогуба, извѣстный подъ именемъ Цвѣткова, бѣжалъ изъ Сибири, куда онъ былъ сосланъ въ каторжные работы безъ срока, въ сообществѣ съ двумя другими ссыльными.

Изъ Лондона телеграфируютъ въ вѣнскую «Presse», что англійское правительство (вѣроятно, вслѣдствіе происшедшаго на дняхъ въ палатѣ общинъ запроса со стороны консерваторовъ) предполагаетъ начать судебное преслѣдованіе противъ вождей нѣмецкихъ (!) социалистовъ за празднованіе годовщины убійства императора Александра II и произнесеніе по этому случаю зажигательныхъ (sic) рѣчей. Составленіе

обвинительнаго акта поручено министромъ внутреннихъ дѣлъ, сэромъ Гаркортонъ, мистеру Поленду. — Судебное преслѣдованіе, конечно, лучше административной высылки; но желательно было бы знать: на основаніи какого законодательнаго акта возбуждается сэромъ Гаркортонъ подобное преслѣдованіе?

Говорятъ, будто присяжн. повѣр. Спасовичемъ, по одному частному иску, возбуждается въ сенатѣ преслѣдованіе противъ бывшаго министра внутреннихъ дѣлъ Макова, угрозою административной ссылки приобрѣвшаго себѣ въ собственность добрый кусокъ земли. Подобный же случай насилія мы знаемъ въ Киевской губерніи, во время управленія югозападнымъ краемъ генералъ-адъютантомъ Чертковымъ. По робости потерпѣвшаго, этотъ отвратительно корыстный поступокъ высшаго должностнаго лица въ краѣ и по настоящее время остается безнаказаннымъ.

Уже давно сообщенное въ нашей газетѣ предположеніе правительства поставить во главѣ министерства народнаго просвѣщенія статс-секретаря Делянова, завѣдомо покровительствуемаго Катковымъ, — теперь совершившійся фактъ. Уже если тайн. сов. Катковъ считается такимъ знатокомъ не только по части системъ народнаго просвѣщенія, но и по администраціи этой части, то не проще ли было бы сдѣлать министромъ его самого, чтобы на немъ лежала по крайней мѣрѣ и отвѣтственность за управленіе министерствомъ? Между тѣмъ теперь г. Катковъ станетъ орудовать дѣломъ народнаго просвѣщенія изъ-за кулисъ именемъ ст. секрет. Делянова, т. е. безъ всякой отвѣтственности, и, слѣдовательно, съ правомъ выйти сухимъ изъ воды въ случаѣ, по нашему мнѣнію, неизбежномъ, обнаруженія на практикѣ полнѣйшей несостоятельности его педагогическихъ плановъ.

Въ польскихъ газетахъ напечатанъ декретъ, извѣщающій поводы закрытія читальни въ с. Подберезаняхъ, въ Львовскомъ у. въ Галиціи. Между прочимъ тамъ говорится, что, при обыскѣ, въ читальнѣ найдены литографированный листокъ «Думки» съ воззваніями, направленными противъ панства, и съ рисункомъ мужика, вооруженнаго косою. Русскія газеты увѣряютъ, что листокъ не былъ выложенъ для публичнаго чтенія, а лежалъ въ сундукѣ. Подбережанцы обжаловали распоряженіе о закрытіи читальни.

## СОТРУДНИЧЕСТВО ПОЛИЦИИ ВЪ ГАЗЕТАХЪ

### I.

Циркулярное письмо казанскаго губернатора Гейнса.

На письмѣ рукою г. Гейнса написано:

Совершенно довѣрительное.

М. Г.

Съ 1-го будущаго декабря въ г. Казани будетъ выходить политическо-общественная газета «Волжско-Камское Слово», подъ редакціею извѣстнаго ученаго профессора Шпилевскаго. Объявленія объ изданіи этой газеты, сколько мнѣ извѣстно, уже отозваны Вами г. Шпилевскимъ. Я рекомендую особому

Вашему, М. Г., вниманію «В.-К. С.», по слѣдующимъ соображеніямъ: наибольшее число такъ называемыхъ большихъ газетъ, издаваемыхъ не только въ Петербургѣ, но даже въ Москвѣ, слишкомъ мало знаютъ о нуждахъ провинціальнаго города и деревни, чтобы могли отвѣчать дѣйствительнымъ потребностямъ внутреннихъ частей государства. За отсутствіемъ же практическихъ знаній провинціи, имъ приходится выдвигать на первый планъ не истинныя провинціальныя нужды, а отвлеченныя мысли, которые бы, приложимыя къ Западной Европѣ, но совершенно чужды нашей провинціальной жизни. Потому столичные газеты, за самымъ малымъ исключеніемъ, не служатъ вѣрнымъ передатчикомъ русскаго общественнаго мнѣнія и выражаютъ взгляды партій, нерѣдко враждебныхъ Россіи. Запятая обсужденіемъ высшихъ политическихъ вопросовъ, скорѣе возбуждающихъ, чѣмъ удовлетворяющихъ умъ, столичные газеты не даютъ большинству читателей здоровой нравственной пищи и не отвѣчаютъ на насущныя потребности провинціального города и земли. Между тѣмъ люди слабые обыкновенно придаютъ преувеличенное значеніе всему напечатанному въ газетахъ, полагаютъ, что все тамъ написанное вѣрно и безошибочно, почему склонны и безусловно вѣрить имъ и подлаживать свои сужденія къ тону газетныхъ статей. Такимъ образомъ столичные газеты, нисколько для себя, заставляя складываться провинціальныя убѣжденія въ формѣ, несоотвѣтственныя съ дѣйствительною жизнью. Изъ объявленія объ изданіи «В.-К. С.» видно, что г. Шпилевскій желаетъ обратить большую часть вниманія будущей газеты на внутренніе вопросы, только по связи съ общечеловѣческими интересами. Слѣдовательно, эта газета будетъ преслѣдовать цѣль, способная привести читателей къ оцѣнкѣ собственной дѣятельности ранѣе, чѣмъ судить о міровыхъ вопросахъ и о задачахъ, неразрѣшимыхъ до тѣхъ поръ, пока провинціальная жизнь не станетъ идти нормальнымъ порядкомъ. Съ другой стороны, «В.-К. С.» будетъ газетою большою, которая дастъ читателямъ всѣ свѣдѣнія, необходимыя даже для образованнаго челоука. Наконецъ, имя проф. Шпилевскаго можетъ, какъ кажется, служить порукою въ томъ, что онъ поведетъ свою газету въ духѣ желательной умѣренности. На основаніи всего сказаннаго, нельзя не пожелать, чтобы «В.-К. С.» постепенно вытѣснило во вѣренномъ Вамъ уѣздѣ большія столичные газеты, весьма часто способныя приводить читателей къ расколу между желаніями и средствами, которыми наша жизнь можетъ предложить къ ихъ удовлетворенію. Обращая ваше вниманіе на все изложенное выше, имѣю честь просить Васъ: 1) Предложить Волостнымъ Правленіямъ, выписывающимъ теперь большія столичные газеты, особенно въ родѣ «Порядка», замѣнять ихъ «В.-К. С.» и 2) содѣйствовать всѣмъ зависящимъ отъ Васъ способами къ распространенію «В.-К. С.» среди населенія города, землевладѣческаго и духовенства. Настоящее письмо посылается только для Вашего личнаго свѣдѣнія съ тѣмъ, чтобы указать Вамъ настоящій путь по вопросу объ открывающейся подпискѣ. Разсчитывая на Вашу въ этомъ случаѣ дѣятельность, покорнѣйше прошу принять увѣреніе въ совершенномъ уваженіи и преданности.

19 ноября 1881 г.

А. Гейнсъ

### II.

М. Г.

Въ дополненіе къ письму Александра Константиновича Гейнса, относительно распространения газеты «В.-К. С.», частію по порученію Его Пр-ва,

а частью по собственной инициативѣ, считаю долгомъ Васъ предупредить, что письмо то отнюдь не должно Вамъ никому показываться; это непрѣмное требованіе г. Губернатора и я советую Вамъ его исполнить. Кромѣ того, полагаю, что Вы не особенно затрудняетесь распространеніемъ газеты. Постарайтесь устроить такъ, чтобы она выписывалась, по возможности, каждымъ изъ волостныхъ правленій уѣзда и чинами полиціи; для тѣхъ и другихъ она будетъ очень полезна тѣмъ уже, что въ ней будутъ помѣщаться законодательныя и другія правительственныя распоряженія, особенно имѣющія отношенія къ мѣстному краю. Для всѣхъ же, кто выписываетъ большія газеты, при замѣнѣ ихъ «В.-К. С.», получится денежное сбереженіе, такъ какъ петерб. газеты стоятъ, по меньшей мѣрѣ, 15—17 р., а «В.-К. С.», которое будетъ давать тотъ же матеріалъ, стоитъ всего 10 р. Сверхъ того, будетъ выигранъ во времени, потому что читатели «В.-К. С.» будутъ получать извѣстія о политическихъ и другихъ событіяхъ гораздо скорѣе (на 3—6 дней), чѣмъ читатели другихъ, именно столичныхъ газетъ: пока послѣднія дойдутъ до Казанской губерніи, извѣстія, передающія по телеграфу, будутъ уже напечатаны въ «В.-К. С.» Телеграфный же отдѣлъ въ немъ особенно будетъ разширенъ, благодаря отчасти и тому, что редакция газеты имѣетъ непосредственныя отношенія къ вновь открытому казанскому отдѣленію «Рус. Телегр. Агентства»; контора послѣдняго даже помѣщается въ мѣстѣ съ конторой редакціи. Надо сдѣлать такъ, чтобы «В.-К. С.» выписывалось бы гг. землевладѣльцами, ихъ управляющими, торгующимъ классомъ, равно и во всѣхъ гостиницы, рестораны, трактиры и другія подобныя заведенія, гдѣ происходятъ скопленія посѣтителей. Тѣмъ подписчикамъ, которые сами затрудняются выпискою, Вы составите подписной листъ и отправите по адресу редакціи «В.-К. С.» (Казань, Воскрес. ул., д. Бабкиной). Примите въ соображеніе и обратьте вниманіе подписчиковъ на то, что за декабрь мѣсяцъ они получаютъ газету въ видѣ преміи, бесплатно. Имѣйте въ виду, что въ подписномъ листѣ были бы точно и подробно обозначены адреса подписчиковъ, особенно тѣхъ, которымъ корреспонденція пересылается черезъ земскую почту. О результатахъ подписки Вамъ нужно будетъ неофициальнымъ письмомъ извѣстить Его Пр-ство. Но имѣйте въ виду, чтобы подписка была отнюдь не принудительная, а то, пожалуй, легко угодите сами въ какую нибудь газету. Нужно усердіе и въ настоящемъ дѣлѣ, но такъ, чтобы не вовлечь себя въ смѣшное или непріятное положеніе. Независимо изложеннаго, моя покорнѣйшая просьба къ Вамъ: не можете ли готчасъ, по полученіи этого письма, написать мнѣ обо всемъ, происшедшемъ въ Вашемъ уѣздѣ и городѣ. Пишите обо всемъ: о положеніи населенія крестьянъ, о разныхъ выдающихся происшествияхъ, скандалахъ и скандальчикахъ во всѣхъ сферахъ, напр., въ судѣ, у мировыхъ, въ земствѣ, въ городскомъ общественномъ управленіи и проч. Есть ли какихъ выдающихся дѣйствій тѣхъ и другихъ учреждений, объ инородцахъ, раскольникахъ и объ отнавшихся, о бытѣ и обычаяхъ ихъ, о промыслахъ, заводахъ, фабрикахъ, о томъ, какъ отзываются новыя законоположенія, о погодѣ, объ урожаѣ, о цѣности продуктовъ, о лѣсахъ... земельныхъ отношеніяхъ. Изъ всѣхъ Вашихъ подобныхъ сообщеній я буду печатать статьи, въ газетѣ «В.-К. С.», въ видѣ корреспонденцій изъ Вашего города или села. Надѣюсь, что Вы мнѣ не откажете въ этомъ личномъ одолженіи. Пользуясь случаемъ покорнѣйше прошу вѣрить истинной преданности и почтенію.

П. Кошкинъ.

Р. С. Хорошо, еслибъ получить отъ Васъ первую корреспонденцію къ 1-му декабря.—Собственно поручная приписка Кошкина: «знаю, что Вы, многоуважаемый Н. Н., надъ многимъ улыбаются въ этомъ письмѣ; но вѣдь это нѣчто въ родѣ циркуляра; этимъ я извиняюсь передъ Вами. На праздники, кажется, Его Пр-ство отправится въ Петербургъ. Весьма признателенъ Вамъ за распродажу книжки. \*) Передайте мою благодарность Х.\*\*) и поклонъ.»

#### ПЬЯНСТВО, ИСКУССТВО И СВОБОДА.

Недавно одна московская газета, мнѣнія которой представляютъ перемежающуюся лихорадку здравомысленныхъ замѣчаній съ совершенно дикими замоскворѣцкими мудрствованіями,—выразилась, по поводу правительственныхъ домысловъ въ теченіе перваго года правленія Александра III, что будто въ этомъ году сдѣлано достаточно, чтобы прославить цѣлое царствованіе, и указала между прочимъ на разработку правительствомъ и свѣдущими людьми вопроса о пьянствѣ,—вопроса «столько же экономическаго, сколько и нравственнаго».

Мало-мальски критически настроенные читатели даже русскихъ газетъ знаютъ, какъ относиться къ серьезности поднія правительствомъ и разработки свѣдущими людьми вопроса о пьянствѣ. Статистическія изслѣдованія земствъ московскаго и др. показываютъ, что собственно п ѣ я н с т в о (пропой) играетъ весьма слабую роль въ раззореніи, какое замѣтно въ селахъ Россіи. Такъ, по наблюденіямъ г. Орлова, въ 25 волостяхъ 5 уѣздовъ Московской губерніи изъ 4.025 крестьянскихъ дворовъ, окончательно раззорившихся, 71% раззорились по причинамъ экономическимъ, и только 9% черезъ пьянство; въ Нижнедѣвницкомъ уѣздѣ, Воронежской губерніи, раззорилось всего 20% крестьянскаго населенія, — изъ нихъ 72% по причинамъ экономическимъ и только 7% черезъ пьянство \*\*\*). Очевидно, что правительство показало бы намѣреніе облегчить крестьянъ съ экономической стороны въ иштейномъ,—а не пьянственномъ,—вопросѣ только тогда, когда оно займется бы намѣреніемъ уменьшить акцизъ съ водки, выпиваемой крестьянствомъ вообще, а не ограничилось однимъ только вопросомъ о пьянцахъ, который самъ по себѣ не важенъ.

Пьянственный вопросъ важенъ и со стороны нравственной тоже не въ томъ смыслѣ, какъ онъ поставленъ въ Россіи и оффиціозами, т. е. не съ той стороны, чтобы въ Россіи было очень много пьяницъ, а съ той, что простому человѣку въ Россіи теперь нѣтъ никакого препровожденія времени послѣ трудовъ, кромѣ кабака и пьянства, къ которому должны прибѣгать и не-пьяницы. Между тѣмъ этотъ то вопросъ всего менѣе и разрабатывается печатью въ Россіи по весьма понятной причинѣ: потому что и

\*) Адресъ-Календаръ Казанской губерніи, сост. Кошкинъ.

\*\*) Становой приставъ.

\*\*\*). Кстати,—не мѣшало бы принять эти цифры къ свѣдѣнію галлчанамъ, которые тоже бьются тревогу о «пьянствѣ и лѣниивствѣ» мужиковъ, какъ о причинахъ ихъ раззоренія, и произвести изслѣдованія хоть въ нѣсколькихъ селахъ.

этотъ вопросъ находится въ тѣсной связи съ вопросомъ о политическомъ и нравственномъ рабствѣ, въ которомъ государственные и церковные порядки Россіи держатъ тамошнія населенія.

Къ этому вопросу подошелъ было довольно близко одинъ изъ «свѣдущихъ людей», г. Евг. Марковъ, напечатавшій въ «Порядекъ» двѣ статьи «Народное искусство. По поводу народного пьянства» (№№ 316—317, 1881 г.). Въ этихъ статьяхъ онъ совершенно вѣрно замѣтилъ, что пьянство можетъ быть вытѣсняемо искусствомъ. Но дальше, вмѣсто того, чтобы указать, что искусство, какъ и всѣ прочія проявленія нравственной дѣятельности, требуетъ для своего развитія свободы, и указать, какія же причины препятствовали и препятствуютъ развитію въ Россіи искусства, а особенно его популяризаціи, г. Марковъ поднялся въ туманъ московской фразеологии объ оторванности культурныхъ слоевъ Россіи отъ народа со времени Петра Великаго, при чемъ не обошлось безъ восхваления «цѣльныхъ» временъ до-петровской Москвитины,—которая, какъ долженъ бы знать г. Марковъ, своимъ грубѣйшимъ пьянствомъ во всѣхъ слояхъ общества, отъ великихъ царскихъ пословъ и бояръ до простаго народа, поражала иностранцевъ (см. напр. Олеарія). На разсужденіи г. Маркова о допетровской цѣльности и проч. отвѣтилъ довольно обстоятельно г. А. В.—нѣ въ «Вѣстникѣ Европы» (1882, №№ 2—3) и показалъ, что упадокъ народнаго искусства въ Москвитинѣ произошелъ еще до Петра Великаго подъ вліяніемъ невниманія и презрѣнія церковно-образованныхъ людей, и что, по крайней мѣрѣ, въ послѣ-петровское время сюда принесены были европейскія попятія объ искусствѣ, подъ вліяніемъ которыхъ образованные люди стали изучать остатки народнаго искусства, послѣ чего начались и попытки развивать его. Къ сожалѣнію г. А. В.—нѣ не остановился на политической сторонѣ вопроса ни въ прошломъ, ни въ настоящемъ,—(въ чемъ, можетъ быть, и не его вина) а, кромѣ того, сдѣлалъ, по обычаю большей части русскихъ писателей, и прямую, если не ошибку, такъ опущеніе, обобщивши всю Россію съ Московскимъ государствомъ и оставивъ безъ вниманія судьбу искусства у западно-русскихъ племенъ,—бѣлоруссовъ и украинцевъ. А! между тѣмъ здѣсь еще нагляднѣе можно видѣть зависимость развитія искусства отъ политическихъ условій, можно видѣть весь вредъ для развитія всѣхъ сторонъ нравственной жизни системы политической опеки, не только старо-московской, но и ново-петербургской,—такъ какъ здѣсь развитіе народнаго искусства было подкошено именно въ петербургскій періодъ и при томъ вовсе не тѣми мѣрами, на какія жалуются г. Марковъ и московскіе славянофилы, т. е. вовсе не избыткомъ пріемовъ европеизма, а давленіемъ московскаго азіатизма, въ достаточной степени присущаго и петербургскому періоду, который довѣлъ московскую опеку надъ населеніями до послѣдней степени совершенства и тѣмъ остановилъ у западно-русскихъ племенъ свободное развитіе въ общеевропейскихъ формахъ. Исторія народнаго искусства здѣсь предста-

влять одно из частных проявлений общей истины, по которому т. паз. петровская реформа, будучи здесь совсем ненужна своей культурною стороною, — так как западно-русские страны от Европы никогда не удалялись, — своею политическою стороною (т. е. завершением административной централизации) подвизивалась здесь вполне разрушительно на весь ход общественной жизни и преимущественно именно на наиболее «европейские» стороны. Это положение, — как видите, — совершенно отличное от увёрений, как московских славянофилов, так и петербургских западников, или, лучше, московских петрофилов, — приводит нас к совершенно иной, единственной новоевропейской постановке культурно-общественных вопросов и в практическом, — а именно к требованию для развития культурно-общественной жизни: свободы и устранения опеки, все равно царской, или императорской, поповской, или чиновничьей. Все это, как видите, придает культурно-общественной истории западно-русских областей, напр., Украины, общий интерес, а не только местный.

Есть данные утверждать, что даже пьянство в старинной, безакцизной, богатой винокурнями Украины, — где каждый козак и чуть не каждый мужик курил себя водку, — было меньше, чем теперь, и что потребление в ней водки имело европейский характер, т. е. народ выпивал водки больше, чем теперь, а пьянствовал меньше. По крайней мере еще в конце прошлого века в «Летописном повествовании о Малой России» инженер-генерал-майора А. Ригельмана, описавшего человека и человека весьма нерасположенного к малороссийским вольностям и сепаратизмам, читаем в главе, заключающей «описание пребывающих малороссийских народов и жительства, обычаев и обрядов», следующее: «для обхождения они в многом подобны европейцам. Они горячаго напитка хотя и пьют довольно, но со временем и для случая, и потому у них пьянство мало. Со всем тем трудолюбивы, домовладельцы и хорошие хозяева». (т. IV, 87). В соответствии этим словам, у того же Ригельмана находим указания на зачатки вкуса в украинском населении к эстетическим и умственным интересам: «Сей народ веселаго нрава, любит музыку и прочие веселости. Они почти все плясать по польски, а паче по своему черкасскому умывают. Из них весьма много музыкантов хороших бывает. Игра их более на скрипках, на скрипичном басы, на цымбалах, на гуслях, на бандурах и на лютнях, при том и на трубах. А сельские по деревням также на скрипках, на кобзях и на дудках. Они все певцы хорошие и весьма склонны к разным наукам, даже что многие и до высоких школ доходят \*). Из них нередко изрядные проповедники и духовные особы бывают». Пьянство же, заметим, — при сколько нибудь нормальных общественных условиях, не располагающих людей

\*) Заметим, что школы в старой Украине были общественные и всеобщие. По Шафонскому, бедняки часто из всех сил старались добиться высшего образования.

«пить с горя», — обратно пропорционально развитию эстетических и умственных интересов, усложняющих жизнь и ослабляющих грубость инстинктов. Это подтверждается между прочим отодвижением границы грубого опьянения в Европе вместе с ростом цивилизации с юго-запада на северо-восток, — так что, напр., итальянцы XIV—XV в. (Петрарка, Пикколомини и др.) с таким же ужасом говорят о пьянстве немцев, с каким немцы XVII в. о пьянстве в Московии, при чем и картины рисуют почти одни и те же.

В числе предметов, которые могут заинтересовать людей столько же с эстетической, сколько и с умственной стороны, до интереса почти научного, — первое место занимает, конечно, театр. Это и есть то учреждение, которое должно убить кабака. И вот именно театр и при том общедоступный, народный и начал было видимо развиваться на Украине в XVII—XVIII в., конечно, в более сложном виде в больших городах, но более простой проникал во все сельские и даже хуторские закоулки. Театр этот был связан с церковью и школою, смягчая их сухой, аскетический и схоластический характер, но в то же время и с другими более материальными проявлениями жизни, так что театральные представления, представляя в начале события церковной истории (Рождество, Воскресение Христова), дальше стали изображать события родной истории (Владимир, Богдан Хмельницкий) и местные типы (польский шляхтич, запорожец, литвин, белорус, жид, цыган). Где не было места для большого представления с живыми лицами, — там пускался в ход кукольный театр (вертеп), — или, наконец, драма сокращалась в диалог и виршу. У нас нет места здесь характеризовать содержание драм, комедий, интермедий и вирш старинной Украины, — чрезвычайно разнообразных, от строго клерикальных до относящихся к юмором к святым и самому библейскому богу, от чинопоклонных до вполне республиканских. Мы позволим себе привести здесь только несколько свидетельств в пользу мысли об общенародности драматических развлечений и диалогических поучений в старинной Украине и при том свидетельств из сочинения, которого нельзя заподозрить в украинофильских пристрастиях.

Так, в «Описании Киево-Софийского собора и Киевской епархии» митроп. Евгения, изд. 1825 г., читаем во II части: «Во время праздника Рождества Христова отборные студенты (Киево-Могилянской академии) и ученики ходили по домам со звездами, с вертепом или райком, представлявшим кулаки Рождество или Воскресение Христова, по после сии представления предоставлены цеховым мастерам, а вместо того представлены диалог, драмы. В вакансии летних, составив из себя артели, уходили по разным губерниям и слободам покам... пивали по домам разные канты... представляли диалог, комедии, трагедии и пр... Пивческая и инструментальная музыка на разных, а паче духовных инструментах, по общей склонности к оной малороссийского народа, была

любимым упражнением академистов.... В три майские рекреации все ученики и учителя и сторонние любители наук выходили для забав на гору Скавыку между оврагов, при урочище, называемом Глубочица. Там все забавлялись разными непивными играми, а студенты пили канты. Учитель поэзии для таких прогулок ежегодно обязан был сочинять комедии или трагедии, а прочие учителя диалог... В философиях и богословии вместо экзаменов были годовые публичные диспуты... в промежутках петы бывали концерты и канты с инструментальной музыкою. В давние времена все диспуты производились только на латинском языке. Но в последние для разумения и простому, в множестве стекавшемуся народу некоторые положения оспариваемы были и на русском (местном) языке. В промежутках также ученики низших классов говорили разные диалог и читали стихи. В прежние времена не только академические учителя, но и сторонние, и ученые иновѣрцы допускаемы были предлагать на разрешение свои возражения и часто диспуты происходили жаркие по нескольку часов». (стр. 215, 216, 218, 223, 224) То, что делалось в больших развѣрах в Киевѣ, в меньших происходило повсюду, где были школы, а школы тогда было втрое больше на Украине, чем теперь. В самое последнее время этнографам еще удалось записать в сельских захолустьях и иногда от неграмотных людей драматическая вирша замѣчательнаго культурно-историческаго значенія и иногда довольно высокаго литературнаго достоинства. Это обломки начавшаго было возводиться фундамента, столько же народнаго, сколько и культурнаго зданія, на манеръ тѣхъ, которыя воздвигнулись в западной Европѣ. Но этотъ фундаментъ былъ разрушенъ государственною централизациею, системою опеки, обрусеніемъ, сословностію и закрѣпощеніемъ народныхъ массъ именно въ XVIII в., т. е. тогда, когда западная Европа сдѣлала такой огромный шагъ впередъ. Что касается, напр., кievской академіи, то въ ней все вышеупомянутые обычаи, равно какъ и всеословность, были уничтожены въ правленіи митрополіею Самуиломъ Миславскаго (1783 — 1795), введеннаго впервые здѣсь «россійское краснорѣчіе». Низшія школы на Украинѣ были почти повсемѣстно закрыты, особенно со времени учрежденія министерства народнаго просвѣщенія въ XIX в., — а съ тѣмъ вмѣстѣ подорвана и народная литература, какъ и зачатки театра. Вертепная рождественская драма съ комическими интермедіями держалась нѣкоторое время, но уже не развивалась, а заглохла подъ прямыми ударами полиціи. Последнее указаніе на такой ударъ мы встрѣчаемъ въ книгѣ В. Шульгина: «Юго-западный край въ послѣднее двадцатипятилѣтіе» (1838—1863), гдѣ разсказано, какъ паны жаловались кievскому генералъ-губернатору на то, что въ свѣточныхъ балаганахъ представляютъ сцены изъ гайдамацкихъ временъ. Это, вѣроятно, обычная въ старой вертепной драмѣ сцена запорожца съ шляхтичемъ. Въ крѣпостной въ 1861 году Украинѣ, вмѣсто театровъ и кантовъ, которые бывало

пѣли для развлечения почующихъ въ базарные дни на площади подольскаго рынка въ Кіевѣ семинаристы, — народу для развлечения предоставленъ былъ только всероссійскій кабакъ\*).

То, что мы видѣли сейчасъ на Украинѣ, съ своеобразными варьяціями, можно усмотрѣть и въ Великороссіи. Здѣсь въ свое время источникомъ народной культуры и въ частности мѣстомъ, гдѣ сталъ развиваться театр, — былъ Новгородъ. Отсюда наивныя зачатки театральныя представленія стали расходиться по сѣверу Россіи и проникать вмѣстѣ съ новгородскою колонизаціей даже въ Сибирь. Этимъ объясняется то, на первый разъ странное обстоятельство, что и теперь сравнительно большое количество зачатковъ народного театра въ Великороссіи усматривается въ самыхъ сѣверныхъ ея полосахъ. (См. объ этомъ, напр., въ книгѣ пр. Веселовскаго: «Старинный театр въ Европѣ», 327, 299, 403, 404, 398 и др.) На этихъ новгородскихъ зачаткахъ начали было успѣшно прививаться болѣе развитыя формы театра, заходившія въ Великороссію въ XVII—XVIII в. изъ Бѣлоруссіи и изъ Украины. Интересно, что театру, равно какъ и другимъ формамъ искусства, здѣсь покровительствовали духовные изъ западно-русскихъ областей, особенно изъ Украины, — начиная съ Данила Тупталека (Димитрія Ростовскаго). Мы полагаемъ дѣятельность послѣдняго по этой части болѣе или менѣе извѣстною, а потому напомнимъ о другихъ лицахъ, — какъ, напр., вятскій архіерей изъ профессоровъ кievской академіи, Горка, который, по словамъ мѣстнаго хрониста, «къ искорененію преемства суевѣрія, грубости, омерзения къ наукамъ и въкоренію истиннаго благочестія, вѣжливости и просвѣщенія такое прилагалъ стараніе, что самоперсонально ежедневно почти посѣщалъ училище, обладеживалъ учениковъ, учреждалъ для нихъ въ облегченіе скуки разныя забавы, выгоды и преимущества, выписалъ бібліотеку». (Истор. Вѣстн. 1881, Май, 59). Введеніе въ Тобольскіе школьныя театральныя представленія приписывается митрополиту Филофею Лещинскому (1702 — 1727). Въ рукоп. сибирск. лѣтописи найдено было такое свидѣтельство: (Филофей) «былъ охотникъ до театральныя представленія; славныя и богатые комедіи дѣлалъ, и когда должно на комедію зрителямъ собираться, тогда онъ, владыка, въ соборный колоколъ на сборъ благовѣстѣ производилъ, а театры были между соборною и Сергіевскою церквями къ взвозу». При преемникѣ его, тоже кievскомъ воспитанникѣ, ученики получили позволеніе давать представленія и по домамъ. Въ половинѣ XVIII в. ученики давали и перелогныя пьесы, въ родѣ Максиміліана, Оомки, Калифа на часъ. Любовь къ театральнымъ представленіямъ перешла отъ учениковъ и въ другіе слои тобольскаго общества, къ мѣщанамъ, солдатамъ, разночинцамъ. Объ Иркутскомъ вертепѣ пишетъ Н. Щукинъ: «Судя по стихамъ на испорченномъ малорусскомъ языкѣ, ясно, что онъ родомъ изъ

Малороссіи... Я помню его въ концѣ прошлаго столѣтія. Первые Иркутскіе архіереи были малороссіянне. Съ ними пріѣхали пѣвчіе, служители и, вѣроятно, они первые занесли въ Иркутскъ вертепъ. Наслѣдниками ихъ были семинаристы, — а отъ нихъ вертепъ перешелъ и въ народъ. Иногда бывали и постоянные вертепы. Какой нибудь мѣщанинъ, нанявъ въ большомъ домѣ среди города квартиру, соорудилъ вертепъ, набиралъ пѣвчихъ и пускалъ зрителей по пяти и по десяти копѣекъ за входъ. Иногда послѣ вертепа разыгрывалась комедія, сколько могу припомнить, изъ малороссійскаго или польскаго быта». (Ждановъ. Къ литерат. истор. р. был. поэзіи, гл. IV, 29—31).

Такое отношеніе къ театру и искусствамъ западно-русскихъ духовныхъ находится въ полномъ противорѣчій съ отношеніемъ къ нему духовныхъ московскихъ, которые сражались съ музыкальными инструментами и даже съ живописью, отступавшею отъ мертвеннаго иконнаго стиля (Никонъ), и которые терпѣли въ Москвѣ только самый, такъ сказать, постыдный видъ духовныхъ пьесъ, занесенныхъ сюда изъ Кіева и Бѣлоруссіи. Извѣстно, что отъ Петра В. до Елисаветы почти повсюду въ Великороссіи сидѣли западные архіереи, — и этимъ объясняются сейчасъ разсказанные примѣры вятскіе и сибирскіе, а также и то, что въ Духовномъ регламентѣ, редижированномъ Теофаномъ Прокоповичемъ, который самъ въ Кіевѣ сочинялъ драмы съ интермедіями, — совѣтуется семинаріямъ исполненіе «комедій и акцій». Но съ Елисаветы въ іерархіи начинаютъ получать опитъ вліяніе московскій элементъ, — и недавно историкъ театра въ Харьковѣ разсказывалъ, что и въ «XIX в. великорусскіе архіереи запрещали святить зданіе театра. Въ 1864 г. одинъ ректоръ семинаріи не позволилъ хоронить (на своемъ) кладбищѣ актрису. Нѣсколько лѣтъ назадъ духовенство не хотѣло хоронить актрису на общемъ кладбищѣ». (Южный Край 1881, № 225).

Конечно, въ XVIII в., вслѣдъ за Петербургомъ, по большимъ городамъ Россіи создались казенныя театры, въ которыхъ, напр., императрица Елисавета обязывала ходить извѣстную часть публики, посылая верхового за отсутствующими. Новое искусство было насаждено въ Россіи на казенный счетъ. Но, во первыхъ, не надо забывать, что, и первый новый казенный русскій театръ въ Петербургѣ обязанъ много преданіямъ стараго общественнаго театра, протискивавшимся изъ болѣе свободной Украины: и Волковы, и Дмитревскій привозятся къ театру Тупталека въ Ростовѣ. А во вторыхъ, новое казенное искусство осталось почти исключительнымъ достояніемъ высшихъ классовъ и при томъ носитъ на себѣ и до сихъ поръ слѣды казенныхъ тисковъ, въ которыхъ оно не можетъ развиваться. Общественное искусство, особенно близкое къ простонародью, съ 1/2 XVIII в. во всей Россіи атрофируется, вмѣсто того, чтобы расти, питаясь сверху и само питалъ верхи. Атрофировалось же оно, исключительно благодаря церковной и свѣтской полицейской онекѣ и стѣсненіямъ.

Не говоря уже объ Украинѣ, — которую петербургское правительство съ к. XVIII в.

лишило національной школы, и гдѣ народный театръ совершенно не существуетъ, — даже въ Великороссіи то подобіе его, которое представляетъ теперешняя балаганная комедія, далеко ниже того украинскаго вертепа, который проникъ туда въ XVIII в. и который, при естественномъ ходѣ вещей, долженъ былъ бы припять въ себя мѣстное содержаніе и развиваться въ болѣе совершенныя формы, какъ это было во всей Европѣ. Та же мѣщанщина изъ стараго вертепа съ отголосками господскаго театра, которая играетъ иногда солдатами, — въ родѣ комедіи о «непокорномъ сынѣ Адольфѣ», — представляетъ изъ себя урода, какъ вся солдатская цивилизація, лишенная идей высшихъ классовъ и простонароднаго содержанія. Всѣ же попытки не только развитъ старые зачатки народного театра, но и сохранить ихъ съ сколько нибудь идейнымъ характеромъ, — были несомнѣнны съ политическими и социальными условіями Россійской имперіи.

Мы видѣли, какъ полиція запрещала украинскую вертепную комедію. И въ самомъ дѣлѣ, развѣ пѣсня Запорожца въ этой комедіи:

Да не буде лучше, да не буде краше,  
Як у нас на Вкраїні, —  
Що не має жиди, не ма папа,  
Не буде і до віку!

не пасмѣшка надъ Украинною XIX ст.? Развѣ замѣчаніе Москаля (солдата): «хотя я отечеству суть защита, да сишна въ мене пазита» — не протестъ противъ начальства? Совершенно послѣдовательно начальство должно было не потерпѣть ни подобныхъ оригиналовъ, ни великорусскихъ ихъ подражаній, напр., въ Торопцѣ, псковской губерніи, въ которомъ запрещенъ былъ солдатскій театр, «гдѣ камедь живую спущали, надъ господами смѣяться стали» (Веселовскій, 407).

Наступило, наконецъ, время, когда среди господскихъ слоевъ населенія Россіи явились люди, почувствовавшіе обязанность подѣлиться съ простонародьемъ достояніемъ, накопленнымъ для нихъ новою культурою. Въ Украинѣ эти люди вмѣстѣ съ тѣмъ почувствовали необходимость и возвратиться къ національности, при которой остались только мужикія массы. Явились новыя, уже рефлексивныя, попытки созданія народного театра. Но и онѣ встрѣтили сопротивленіе сознательное и рутинное въ полицейско-монашескихъ учрежденіяхъ и характерѣ русскаго государства. Изъ множества примѣровъ того, какъ и чѣмъ разбивались эти попытки, мы разскажемъ только два случая изъ нашей области. Въ концѣ 50-хъ и въ началѣ 60-хъ годовъ въ г. Полтавѣ существовалъ кружокъ, преимущественно изъ мѣстныхъ педагоговъ, — между которыми губернаторъ насчиталъ семь «демагоговъ», на которыхъ жаловался и учебному начальству, и жандармскому, и, наконецъ, самому царю. Вотъ эти то демагоги, основали между прочимъ женскую гимназію, воскресныя и субботнія школы, публичныя лекціи для народа\*). Они же задумали основать и на-

\*) Мы могли бы представить въ такомъ же родѣ и лнцію упадка на Украинѣ живописи, — весьма развитой въ XVII в., по показаніямъ иностранныхъ путешественниковъ.

\*) Гораздо раньше петербургскаго (треповскаго) Соляного Городка. Кстати будетъ сказать, что нѣкоторые сюжеты изъ этихъ лекцій получили потомъ литературную обработку въ брошюрахъ г. А. Иванова: «Разсказы о землѣ и небѣ»,

родный театр. Для начала они выбрали несколько украинских пьес, а из русских «Ревизора» да и поставили их на обыкновенной господской сцене, только места за вход назначили: кресло 1 ряда 30 коп., и т. д., галерея 3 коп. Говорь пошел по городу и среди простого народа, — но губернатор уничтожил все затеи «демагогов», возстановив только на афише, которая обязательно ему представлялась, — господские цены: кресла 1 ряда — 3 рубля и т. д. В 1862 г., во время реакционного взрыва после петербургских пожаров, — полтавские демагоги были разосланы в места, не столь отдаленные. Другой случай мы недавно читали в одной южной газете: молодые учащиеся люди, на рождественских вакациях, вздумали устроить спектакль в селѣ. Предусмотрительно они выбрали только великорусские пьесы и даже склонили к присутствию местного урядника и другого полицейского чина. Но после спектакля чины сами переполошились и возбудили дѣло о не позволенной типографии у молодых людей, чему поводом послужило оттискивание афиш прессы или ректорграфом! Чѣм кончилось дѣло, мы еще не читали.

Между тѣмъ, по многимъ извѣстіямъ, «народъ» очень охотно встрѣчаетъ попытки доступнаго ему театра и при первой возможности (т. е. при некоторомъ невниманіи начальства) старается внести въ него реальное жизненное содержаніе. Въ сосѣдней съ Россіей Галиціи масса народа находится не въ лучшемъ, чѣмъ въ Россіи, социально-экономическомъ положеніи. Украинское населеніе и здѣсь подчинено чужеродной интеллигенціи, которая сознательно препятствуетъ его развитію. Измѣнниковъ господскимъ интересамъ среди этой интеллигенціи почти нѣтъ, — не то, что въ Россіи, гдѣ ихъ такъ достаточно и гдѣ между ними есть люди и со средствами, и съ порядочнымъ образованіемъ, и талантами. И все таки въ Галиціи, — единственно благодаря нѣкоторой политической свободѣ, признаваемой австрійской конституціей, хоть и уменьшаемой для украинскаго народа чужеродными властями, — борьба съ пылствомъ вызвала основаніе народныхъ обществъ трезвости, чтенія, наконецъ, попытки театра, который устраиваютъ по вечерамъ сами крестьяне. Несомнѣнно, что со временемъ эти попытки разовьются дальше и доставятъ народу здоровое и разумное поученіе и развлеченіе. И въ Россіи вмѣсто всякихъ полицейскихъ заботъ о «типахъ кабаковъ», — каковыя заботы повлекутъ только новыя утѣшенія отъ урядниковъ, — и для сферы явленій, которые затронуты однимъ изъ «свѣдущихъ людей», желательно было бы только одно: свобода, общаѣ политической свобода съ ея развѣтвленіями для жизни гражданской и культурной. Оставьте въ покоѣ населеніе, — не тѣните его и не благодѣтельствуйте, — а оно само выработаетъ себѣ условія и формы человѣческой жизни!

М. Драгомановъ.

«Р. о земныхъ силахъ» и др., — а также и то, что послѣдняя изъ этихъ брошюръ, «Р. о царствѣ Бовы королевича», запрещена, потому что она возбуждаетъ мысль о социальныхъ вопросахъ, хотя и рѣшаетъ ихъ весьма консервативно.

### ПРОЕКТЪ СОЛИДАРНОЙ ДЕМОНСТРАЦИИ РУСИНОВЪ И ПОЛЯКОВЪ ВЪ ГАЛИЦІИ.

Читателямъ нашимъ въ Россіи могло уже надоесть наше постоянное возвращеніе къ вопросу о необходимости организаціи въ Галиціи солидарнаго дѣйствія крестьянъ украинскихъ и польскихъ для защиты ихъ общихъ интересовъ отъ общихъ противниковъ, польскихъ паповъ и еврейскихъ капиталистовъ. Но вопросъ этотъ мы считаемъ не безынтереснымъ и для Россіи, такъ какъ разумная организація разнонаціональныхъ рабочихъ элементовъ въ Галиціи непременно отразится полезнымъ образомъ и на сосѣднихъ съ Галиціей Царствѣ Польскомъ и Юго-западномъ краѣ. За тѣмъ, повтореніе вещь неизбежная въ политическихъ вопросахъ, особенно въ средѣ, въ которой приходится имѣть дѣло съ застарѣлыми раздѣленіями и предрассудками вообще.

Мы, впрочемъ, уже отмѣтили въ прошломъ № «Вольн. Слов.» слова «Батьківщини», изъ которыхъ видно, что мысль о солидарномъ выступленіи крестьянъ русиновъ и поляковъ находитъ себѣ сочувствіе и среди литературныхъ представителей уже не однихъ социалистовъ, но и такъ называемой народнои или украинской партіи въ Галиціи. Теперь передъ нами 19 № газеты «Діло», представляющей собою болѣе отсталый кружокъ этой партіи, и въ немъ мы встрѣчаемъ ту же мысль, хотя, по нашему мнѣнію, не совсѣмъ удачно поставленную.

Украинофильская газета предлагаетъ праздновать въ текущемъ году 100-лѣтіе отмѣны въ Галиціи рабства универсаломъ императора Іосифа II отъ 5 апрѣля 1782 г. (нациция оставалась до 1848 г.) «Актъ этотъ», говоритъ «Діло», одинаково важенъ и памятенъ и для народа польскаго, какъ и для украинскаго, и тутъ представляется лучшимъ случаемъ, наглядно показать, что наша программа не относится враждебно къ другимъ народностямъ..... что украинскій народъ радъ не только своей собственной свободѣ, своему благу, но и свободѣ и благу польскаго народа. Пора намъ познать, какой вѣсъ заключается въ такъ понятой программѣ нашей, пора познать, сколько силы можемъ мы себѣ приобрести такимъ обращеніемъ къ польскому люду. (Львовская газета въ приѣмахъ краснорѣчія слѣдуетъ ветхозавѣтному исамонѣвию и всякое почти предложеніе повторяетъ на разныхъ ладахъ, но крайней мѣрѣ, два раза.) Наши противники пробраются въ украинскій люду съ неправдою и клеветами, а мы откликнемся въ эту памятную годовщину правдою и искреннею любовью къ польскому люду. Смѣло и высоко поднимемъ нашу народную хоругвь правды и справедливости народной. Замкнутость и закорючленность была бы непростительною политической ошибкою».

Въ этой тирадѣ можно безусловно сочувствовать только ея основной мысли, но не самому проекту демонстраціи въ память универсала императора Іосифа II. Во первыхъ, самый фактъ уничтоженія рабства крестьянъ безъ уничтоженія панщины не былъ очень важенъ и не оставилъ по себѣ глубокой памяти въ народѣ. По крайней мѣрѣ, столь

чувствительная къ явленіямъ социальной жизни своего края народная пѣсня украинская не вспоминаетъ ни однимъ словомъ акта императора Іосифа II, хотя она очень занимается уничтоженіемъ панщины въ 1848 г. Да оно и понятно, если вспомнимъ, что, по описаніямъ наблюдателей и показаніямъ крестьянъ депутатовъ вѣнскаго парламента 1848 г., актъ 1782 г. очень мало измѣнилъ сущность крѣпостнаго права. Что же касается до польскихъ крестьянъ, то все таки память императора Іосифа II съ матерью его Маріей Терезіей связана съ памятью о раздѣлахъ Польши. Положимъ, въ свое время и еще въ 1846 гг. польскіе крестьяне въ Галиціи были очень равнодушны къ старому польскому государству, — но все таки прогрессъ образованія пробудилъ и у нихъ національное самосознаніе и вполне равнодушными къ національной независимости теперь польскихъ крестьянъ назвать нельзя. «Іосифинская» демонстрація имѣетъ характеръ слишкомъ династически-австрійскій и анти-польскій, а потому нельзя ни надѣяться на слишкомъ большой успѣхъ ея среди польскаго населенія, (ей будутъ изъ всѣхъ силъ противудѣйствовать всѣ образованные поляки), ни даже рекомендовать не-польскому населенію, напр. русинамъ. Къ чему развивать въ сельскомъ населеніи династическія чувства, по какому бы то ни было случаю?

Другое дѣло чистая демонстрація противъ рабства экономическаго, какъ и гражданскаго, и при этомъ демонстрація совместная населеній двухъ національностей, изъ которыхъ паны одной стремятся къ господству двойному: социально-экономическому и національному, и потому возбуждаютъ двойную реакцію. Такія солидарныя польско-украинскія демонстраціи существенно необходимы въ Галиціи и будутъ имѣть огромное значеніе, какъ бы онѣ ни были слабы въ началѣ. Мы все таки держимся того мнѣнія, что самое лучшее въ такомъ родѣ былъ бы митингъ и образованіе польско-украинскихъ крестьянскихъ союзовъ, которые, конечно, не замедлили бы войти въ сношенія и съ подобными союзами въ городахъ, изъ которыхъ зародышъ одного уже существуетъ во Львовѣ, хотя и дѣйствуетъ безъ должной энергіи и мало показывается охоты выйти за тѣсныя предѣлы своего города, а также, видимо, боится рѣшительно разорвать съ узкими польскими идеями.

М. Д.

### „НАСТОЯЩЕЕ ПОЛОЖЕНІЕ РОССИИ“.

Г. Д. Щербачева. Berl. 1882.

Въ ряду произведеній русской заграничной литературы, появившихся въ послѣднее время въ Германіи, брошюра, названная въ заголовкѣ настоящей замѣтки, представляетъ сравнительно выдающееся явленіе. Авторъ гораздо рѣзче своихъ предшественниковъ обвиняетъ само русское правительство въ созданіи существующаго порядка вещей, и хотя говоритъ все вещи извѣстныя и, такъ сказать, носящіяся въ воздухѣ, но хорошо уже и то, что говоритъ, а не молчитъ, какъ множество другихъ. Жаль только, что, по

обыкновенно других российских патриотов, выступивших на попрание заграничной литературы для облегчения своего сердца, автор, начавши за здравие, кончает за упокой, пылыми словами, доказавши основательно всю глубокую невыносимость настоящего положения вещей под давлением самодержавия, все-же приходится к заключению, что без самодержавия русскому нельзя. В этом странном способе понимания действительности бесспорно сказывается один из самых безотрадных признаков состояния весьма многих умов современной России: люди уже дошли до полного сознания отчаянной несостоятельности и безвыходной невозможности существующего политического строя, но сами вскормленные под защитой крепостного права и деспотизма, они в конце концов дрожат при мысли о необходимости разстаться с дорогими их сердцу азиатскими учреждениями, так что гора родит мышь. «Нельзя беспокоить начальство» — такова обиденная формула русской политической морали, столь глубоко вкоренившаяся в умы российских патриотов, что без нее они не могут ступить и шагу. К сожалению, они забывают, что, при такой точке зрения на начальство, необходимо отложить на вѣчныя времена всякое попечение о какой бы то ни было политической свободе или даже просто о человеческом, а не лакейском существовании.

Автор начинает с объяснения того, что он 35 лет прослужил царю и отечеству и службу свою запечатлѣл кровью на севастопольских бастионах. Находясь в настоящее время у преддверия гроба и не требуя ничего от земной жизни, он, во имя любви к дорогой родине и к ее верховному вождю, рѣшился сказать слово правды, чтобы тѣм исполнить, может быть, в послѣдній разъ долгъ русскаго гражданина. В настоящее время, продолжает автор, правительство избрало такой путь, который никоим образом не удовлетворяет, стѣсняя администрацию и оскорбляя либералов. Недовѣрие правительства къ обществу внушает обществу недовѣрие къ правительству, и таким образом почва для революціонной дѣятельности улучшается усиленными самим правительством. Вообще говоря, Россія находится в настоящее время въ болѣе опасномъ положеніи, чѣмъ многіе думаютъ. Опасность эта имѣетъ источникомъ безурядицу, которая царитъ во всѣхъ отрасляхъ государственнаго управленія, всеобщій хаосъ и деморализацію, проникшую во всѣ слои общества. Противорѣчія между законами и ихъ исполненіемъ въ нынѣшней русской жизни встрѣчаются положительно на каждомъ шагу: такъ, нпр., по закону никто не можетъ быть наказанъ безъ суда, а на дѣлѣ лица, оправданныя судомъ, подвергаются тѣмъ же административнымъ взысканіямъ; подобнымъ же образомъ съ престола неоднократно выражалась заботливость о благосостояніи низшихъ классовъ общества, между тѣмъ — эти классы раззоряются агентами правительства и созданными ими кулаками. Разсказавъ исторію хищничества и административныхъ угнетеній послѣдняго царствования, возникшихъ оттого, что адми-

нистраціи удалось напугать и изолировать царя, авторъ приходитъ къ заключенію, что основною причиною революціонной дѣятельности является сама администрація. Ни мѣры, принятія графомъ Толстымъ, ни терроръ, возбужденный дѣятельностью полиціи, ни даже висѣлицы, поставленныя въ разныхъ городахъ Россіи, не только не остановили революціоннаго движенія, но довели Россію до того, что въ настоящее время итъ въ ней уголка, гдѣ бы не было лицъ или участвующихъ въ революціонной пропагандѣ, или ей сочувствующихъ. Сама администрація своимъ жестокимъ и бессмысленнымъ гнетомъ и вопіющею несправедливостью воспитала кругъ энергическихъ фанатиковъ, которые готовы были принести собственную жизнь въ жертву за свои убѣжденія, и тѣмъ, естественно, приобрѣли себѣ симпатіи въ развитыхъ людяхъ. Если здравый смыслъ и знаніе человѣческой природы не составляетъ требуемыхъ качествъ нашихъ администраторовъ, то во всякомъ случаѣ они не могутъ игнорировать, по степени своего образованія, нѣкоторыхъ историческихъ періодовъ, которые могли-бы послужить имъ указаніемъ, что репрессивныя мѣры не только не останавливали нигдѣ революціонныхъ движеній, но, напротивъ, возбуждали страшные взрывы народныхъ страстей. Такова была французская революція 1789 г., вызванная въковымъ угнетеніемъ народа, таковы же революціонныя движенія въ Парижѣ, Берлинѣ, Вѣнѣ, Пештѣ въ 1848 — 49 г., таковы и возстанія славянъ противъ Турціи. Многіе думаютъ, что общая революція въ Россіи не возможна, потому что русскій народъ глубоко преданъ своему царю. Дѣйствительно, русскій народъ въ настоящее время преданъ царю, но преданность эта безсознательная, такъ сказать, инстинктивная. Онъ былъ такъ же преданъ Борису Годунову, закрѣпощившему крестьянъ, какъ былъ преданъ Александру II, освободившему ихъ. Подобная преданность можетъ быть только въ народахъ нецивилизованныхъ, умственно неразвитыхъ. Подобное-же отношеніе къ государямъ существовало и у народовъ западной Европы по уничтоженіи феодальнаго права, но послѣдствіемъ, съ развитіемъ цивилизаціи, они оправились отъ него и потребовали контроля надъ королевскою властью. Нельзя сомнѣваться, что то-же самое будетъ скоро и въ Россіи. И такъ, вполне разсчитывая на преданность народа и восхищаясь восторженными криками, раздающимися при появленіи царя, было-бы, по меньшей мѣрѣ, неблагоразумно, какъ потому, что ореолъ власти, скрывавшій личность царя отъ народа, начинаетъ уже разсѣиваться, такъ и потому, что народъ, встрѣчая восторженно царя, встрѣчалъ такъ-же восторженно и персидскаго шаха, при вѣздѣ его въ Москву. На эти восторженные возгласы можно такъ-же полагаться, какъ и на патристическіе адреса, подписанные царю разными земствами и городами и являющіеся не послѣдствіемъ преданности царю, а послѣдствіемъ деморализаціи, какую административный произволъ успѣлъ уже внести въ наши общественныя учрежденія. По кончинѣ Александра II скоро обнаружилось, что абсолютизмъ,

произволъ власти и недовѣріе къ общественнымъ силамъ Россіи останутся тѣмъ-же факторами государственнаго управленія, какъ это было и прежде, что участіе общественныхъ дѣятелей въ рѣшеніи государственныхъ вопросовъ, если и будетъ допускаться, то только по усмотрѣнію администраціи, которая, какъ и прежде, останется безконтрольною. Различіе между самодержавіемъ и конституціоннымъ образомъ правленія заключается главнымъ образомъ въ томъ, что самодержавный монархъ, хотя, повидимому, пользуется неограниченною властью, по въ сущности вполнѣ зависитъ отъ своихъ министровъ; конституціонный же монархъ зависитъ отъ народа въ лицѣ его представителей. Зависимость самодержавнаго монарха отъ его министровъ является вслѣдствіе невозможности контроля и ограниченія ихъ дѣйствій и проникновенія въ тайну дѣлаемыхъ ими злоупотребленій. Самодержецъ не имѣетъ никакихъ средствъ убѣдиться въ томъ, полезенъ или вреденъ дѣятельность его министровъ, такъ какъ тѣ, которые испытываютъ на себѣ результаты этой дѣятельности, обречены министрами на молчаніе. Всѣ думали, что императоръ Александръ III, по восторженіи на престолъ, убѣжденный долготѣннымъ опытомъ въ несостоятельности дѣятельности администраціи, обратится за совѣтомъ къ выборнымъ людямъ Россіи, которые, зная причины зла, нашли бы средство для исцѣленія отъ него; всѣ думали, что этимъ людямъ будетъ порученъ контроль надъ дѣйствіями администраціи и что слову правды, хотя бы непротивному для административнаго уха, будетъ дана полная свобода. Такъ думали, но оказалось, что совѣтниками государя остались тѣ-же администраторы, и при томъ гораздо менѣе способные, чѣмъ бывшіе при покойномъ императорѣ. Сославшись на безтактность проведенія Барановымъ собственною властью двухъ страшныхъ мѣръ въ с. петербургскомъ совѣтѣ изъ выборныхъ городскихъ обывателей, за тѣмъ на выборъ въ комиссію объ уменьшеніи выкупныхъ платежей «экспертовъ» по назначенію самой администраціи и, наконецъ, на манифестъ 29 апрѣля, который, не объявивъ никакихъ милостей, возбудилъ всеобщее недовольство, даже въ низшихъ классахъ народа и заставилъ только губернаторовъ поднять голову и дѣлать разныя политическія низости, авторъ высказываетъ убѣжденіе, что всѣ эти неудачные опыты могутъ повести къ кровавой развязкѣ. Наши охранители, программу которыхъ, кажется, намѣрено принять правительство, находятъ двѣ главныя причины нынѣшняго состоянія: упадокъ нравственности и религіи, съ одной, и ослабленіе власти, съ другой стороны. Но итъ государства въ мірѣ, въ которомъ надзоръ за нравственностью не только малозѣтокъ, но и взрослыхъ людей былъ-бы такъ бдительнъ, какъ въ Россіи; цѣлому сонму чиновниковъ, отъ ставовыхъ приставовъ до министровъ, поручено оберегать русскихъ гражданъ отъ дурнаго вліянія злыхъ людей и злонамѣренной печати. Церковь также дано безконтрольное право поддерживать религію, прибѣгая въ случаѣ надобности къ помощи полиціи. Идти

далѣе по этому пути не возможно. Другая причина — слабость власти — представляется также весьма странной. Если власть имѣетъ право жизни и смерти надъ каждымъ русскимъ подданнымъ и если она въ полной мѣрѣ пользуется этимъ правомъ, то сдѣлать ее сильнѣе не представляется возможности. До чего-же, наконецъ, можетъ быть доведена Россія, если правительство твердо рѣшилось принять программу консерваторовъ? До потоковъ крови, отвѣтитъ каждый разсуждающій человекъ и, по чувству самосохраненія, начнетъ укладывать свои чемоданы, чтобы уѣхать за границу. Въ настоящее время въ Россіи нѣтъ ни одного сколько нибудь мыслящаго человека, который не желалъ-бы прекращенія существующаго порядка вещей. Правительству также нужно идти впередъ, а не назадъ, т. е. къ уничтоженію гласнаго суда, выборныхъ общественныхъ учреждений и свободной печати, да и не найдется никого, кто-бы рѣшился сказать, что отмена всѣхъ этихъ реформъ возможна въ настоящее время. Бездѣтельность и бесполезность большинства учреждений до нынѣ комиссій вполнѣ убѣдила всѣхъ въ негодности административнаго дѣйствія. Самодержавная власть, говоря вообще, имѣетъ главнымъ своимъ атрибутомъ произволъ. Произволъ верховнаго вожди не можетъ не питать произвола министровъ и всѣхъ членовъ администраціи. При самодержавіи контроль надъ дѣйствіями министровъ и самый ихъ выборъ весьма затруднителенъ. Прошлое царствованіе намъ указало, что нужно было болѣе пятинадцати лѣтъ времени, чтобы убѣдить, наконецъ, покойнаго государя, что дѣятельность нѣкоторыхъ его министровъ была вредна для Россіи, а, между тѣмъ, сдѣланный ими вредъ былъ непоправимъ. Наконецъ, при самодержавіи либеральныя реформы почти невозможны, такъ какъ нельзя ожидать, чтобы окружающіе царя администраторы, рѣшившись наложить на себя руки, выказавъ одобреніе мѣрамъ, ведущимъ къ уменьшенію ихъ власти и значенія.

Такова-то печальная картина нынѣшняго положенія Россіи, изображаемая авторомъ, и, по всякой человѣческой логикѣ, можно было-бы ожидать отъ автора предложенія соотвѣствующихъ мѣропріятій, направленныхъ противъ главнаго зла — самодержавія. Но логика русскіихъ патріотовъ есть совершенно особенная, хлестаковская логика людей, которые привыкли не уважать ни своего, ни чужаго мнѣнія, вообще, ничего, кромѣ палки. Это свойство характера у нихъ основное, все-же прочее только декорация. Пусть судитъ, впрочемъ, какъ хочетъ, самъ читатель, по слѣдующимъ словамъ автора: «Но (хорошо это—но!), не смотря на всѣ эти недостатки самодержавнаго образа правленія, не смотря на то, что лучшую охрану отъ всякихъ покушеній на жизнь царя, было бы добровольное сложеніе имъ съ себя отвѣтственности за мѣры, которыя русскій народъ по собственной инициативѣ пожелалъ бы принять для уничтоженія зла (вотъ для чего было и огородъ-то городить!), я считаю, что воля народа должна быть священна для всякаго русскаго подданнаго, что при высокихъ нравственныхъ ка-

чествахъ настоящаго императора, не трудно согласить его желаніе сохранить самодержавную власть съ требованіемъ либеральной программы». И такъ, да погибнетъ произволъ и да здравствуетъ произволъ въ одно и то же время! Самодержавіе есть главная причина зла, но ни одинъ русскій подданный не смѣетъ беспокоить начальство...

Въ заключеніе авторъ, требуетъ созыва временнаго земскаго собора для начертанія общей системы управленія государствомъ, для разсмотрѣнія финансоваго положенія Россіи, для указанія мѣръ контроля надъ дѣйствіями администраціи, для согласенія бюджета съ потребностями народа, для опредѣленія постепенности государственныхъ реформъ и для разъясненія причинъ революціоннаго движенія, съ цѣлью указанія мѣръ для противодействия ему. «Состоявшіяся въ соборѣ опредѣленія должны быть представлены государю императору, отъ самодержавной воли котораго будетъ зависѣть утвердить ихъ или нѣтъ». Спасибо автору за такое исполненіе дѣла русскаго гражданина, да еще передъ дверью гроба!

П. С.

## СТУДЕНЧЕСКІЙ МАНИФЕСТЪ.

Мы получили приводимое ниже воззваніе, которое сочли небезынтереснымъ напечатать.

Отъ Центральнаго кружка студентовъ С.-Петербургскаго университета къ студентамъ.

Товарищи студенты!

Непредвидѣнные обстоятельства помѣшали намъ заявить себя по поводу акта и напомнить тѣ безобразныя репрессіи, объектомъ которыхъ было русское студенчество въ прошломъ году.

Онѣ будутъ предметомъ перваго номера нашей газеты.

Теперь произошелъ новый фактъ, въ которомъ съ усиленною яркостью повторилось прежнее направленіе правительства.

Харьковскій университетъ закрытъ \*).

Три студента назвали подлецомъ въ публичномъ мѣстѣ продажнаго ренегата, обвиняющаго русскую молодежь клеветами и инсинуаціями, съ которыми соперничаютъ только мерзости Незлобина-Дьякова. Говоруха-Отрокъ началъ драку...

Что сдѣлали студенты постыднаго? Развѣ подлость не заслуживаетъ публичнаго обличенія?

Студенты не дрались, какъ Говоруха, они только выразили гадливое чувство, которое питаетъ молодежь къ инсинуатору. Развѣ это не дѣлается вездѣ? не дѣлается всѣми?

Но университетское начальство считаетъ себя солидарнымъ съ клеветниками: оно исключило этихъ трехъ студентовъ изъ университета. Товарищи обсудили ихъ поступокъ и одобрили его. Делегаты, посланные студенческой сходкой, были съ руганью и дерзостями высланы совѣтомъ. Они не заслужили этого: они не могли знать, что въ это время происходило зазданіе, такъ какъ швейцара у дверей не было.... Но профессора солидарны съ инсинуаторами, солидарны съ полицейскимъ тенденціямъ правительства. На лучшія побужденія молодежи они плюютъ.

\*) Въ настоящее время уже открытъ съ исключеніемъ 6 чел. студентовъ по распоряженію попечителя, какъ сообщаютъ «Русск. Вѣд.»

Товарищи! Не забывайте, что это сыщики и чиновники на кафедрахъ. Вычеркните ихъ изъ своихъ друзей!

Харьковская исторія — новое доказательство, что русское правительство признаетъ студентовъ паріями. — Осыпанные клеветой, они не могутъ оскорбляться: эти клеветы патентованы правительствомъ. — Они не могутъ обсуждать поступокъ своихъ товарищей, что неизбежно во всякомъ обществѣ. Они подвергаются за это оскорбленіямъ и исключенію. Университетъ закрывается.

Товарищи студенты! Мы знаемъ — въ насъ кипитъ чувство негодованія противъ насилья надъ харьковскими братьями.

Товарищи! Не поддавайтесь мнущимся увлеченіямъ. — Вы видите, что правительство жестоко караетъ поступки, ему противные, хотя сравнительно неважные. Только великое дѣло требуетъ великихъ жертвъ. Мы много пережили, много перенесли и перетерпѣли за прошлый годъ. Накопайте силы! Объединимся! Организуйтесь подъ нашимъ знаменемъ!

Въ недалекомъ будущемъ насъ ждутъ великія событія. Наши силы понадобятся. Сохраните ихъ, чтобы проявить съ болѣею пользою въ болѣе крупныхъ дѣлахъ.

Центральный кружокъ студентовъ  
С.-Петербургскаго университета.  
18 февраля 1882.

Мы не можемъ входить въ обсужденіе этого манифеста, такъ какъ прежде всего не знаемъ съ должною обстоятельностью той «харьковской исторіи», которая подала къ нему поводъ. Общее же мнѣніе наше о всякихъ «студенческихъ волненіяхъ» въ Россіи таково, каково, кажется, держутся и авторы воззванія, — а именно, что они представляютъ безплодную трату силъ. Мы думаемъ, что академическая свобода (т. е. свобода ученія и корпоративной жизни профессоровъ и студентовъ) существенно необходима для университетовъ; но только эта частная свобода не можетъ быть достигнута безъ общей политической свободы, а эта послѣдняя не можетъ быть достигнута усиліями студентовъ, и при томъ волненіями по поводу «университетскихъ» исторій. Она требуетъ усилія гражданъ общества. Къ такимъ усиліямъ должны и готовить себя студенты — наукою. Въ частности же относительно «харьковской исторіи», мы займѣмъ только о странности, что профессора приняли на себя какой бы то ни было судъ по дѣлу о дракѣ, происшедшей (виѣ университета) на публичномъ, хотя и студентскомъ, базѣ: на это во всякомъ случаѣ существуютъ общіе суды; — такое вмѣшательство профессоромъ въ это дѣло, — совершенно для нихъ чужое, — не можетъ способствовать поднятію ихъ авторитета у молодежи, отсутствіе котораго есть одна изъ печальнѣйшихъ чертъ университетской жизни Россіи. Профессора же всегда виноваты, если они не имѣютъ должнаго авторитета у студентовъ.